

ДѢЛО

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

№ 7

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ Е. А. ВЛАГОСВѢТЛОВОЙ, НАЛЕЖДИНСКАЯ, Д. № 39

1881

ВОСПОМИНАНІЯ
НЕВОЕННОГО ЧЕЛОВѢКА
ОБЪ АХАЛЬ-ТЕКИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ.

Нельзя не сознаться, что современная цивилизація выдѣлываетъ иногда удивительныя „куштяки“...

10-го августа прошлаго года я дышалъ петербургскими „ароматами“, 14-го я ѣхалъ на пароходѣ по Констанцкому озеру, — въ теченіи 10-ти дней, т. е. до 24-го, я еще бродилъ по лѣсистымъ горамъ швейцарской Юры, вдыхалъ свѣжій горный воздухъ, любовался синею водою Жевевскаго озера и отдаленнымъ отблескомъ величаваго Монблана, — а черезъ двѣ недѣли уже былъ близъ стараго русла Аму-Дарьи и, буквально, тонулъ въ волнахъ средне-азиатскихъ сыпучихъ песковъ. Богатую швейцарскую растительность замѣнилъ сухой *саксаулъ* (единственное мѣстное растеніе), а цѣпь живописныхъ, полныхъ жизни, горъ — пустынный и безлюдный хребетъ Большихъ Балхановъ.

Однимъ словомъ — я очутился на восточномъ берегу Каспійскаго моря или, точнѣе, въ Михайловскомъ заливѣ, который представляетъ собою опорный пунктъ для экспедиціи въ Ахаль-Текинскій оазисъ и начальный пунктъ, отъ котораго строится военная желѣзная дорога дальше въ глубь степи.

Уже подъѣзжая къ берегу, я видѣлъ, что здѣсь происходитъ нѣчто негармонирующее съ окружающею мертвенностью и безмолвіемъ, и дѣйствительно — это былъ маленькій клочекъ Европы, точно вырванный оттуда по чьему-нибудь капризу и цѣликомъ перенесенный на иную, совершенно чуждую ему почву. Пароходы,

локомотивы, рутеры, рельсовый путь, телеграфная линия, сложныя механическія приспособленія для опрѣсненія воды — все это казалось здѣсь такимъ страннымъ, такимъ неподходящимъ.

Сойдя на берегъ, я очутился въ такъ-называемомъ „генеральскомъ“ лагерѣ, т. е. передъ рядомъ киргизскихъ кибитокъ, изъ которыхъ одну занималъ генераль-лейтенантъ Анненковъ, инициаторъ и строитель Закаспійской желѣзной дороги.

Тщетно я пытался опредѣлить, по наружному виду, жилище генерала: всѣ кибитки были какъ одна; правда, немного погодя, осматривая внутренность кибитокъ, я остановился на одной изъ нихъ, такъ-какъ она отличалась нѣкоторой роскошью, а именно имѣла деревянный полъ, но хозяиномъ ея оказался главный инженеръ, а не генераль.

Мнѣ предстояло прожить здѣсь около двухъ мѣсяцевъ, поэтому я началъ разспрашивать офицеровъ о здѣшнемъ житьѣ-бытьѣ.

— Да ничего, отвѣчали мнѣ, — только генераль не даетъ покоя: встанетъ часовъ въ 5, да и подымаетъ всѣхъ.

Дѣйствительно, я вскорѣ убѣдился, что генераль „не давалъ покоя“, но вмѣстѣ съ тѣмъ я убѣдился, что едва-ли можно было выбрать болѣе энергичнаго исполнителя проектированной дороги: цѣлая масса самыхъ разнообразныхъ и совершенно неизбѣжныхъ мѣста въ центральной Россіи препятствій, требовала такихъ усилій, на которыя не всякій способенъ. Не говоря уже о крайнихъ затрудненіяхъ въ техническомъ отношеніи, помѣхой являлся недостатокъ въ рабочихъ, невозможность ихъ добыть ни за какія деньги, опаздываніе желѣзно-дорожныхъ грузовъ, то вслѣдствіе недостаточности морскихъ перевозочныхъ средствъ, то вслѣдствіе недостатка въ крѣпникахъ и даже мѣстахъ для выгрузки желѣзнодорожныхъ принадлежностей.

Но энергія все превозмогла, — теперь уже дорога выстроена отъ Михайловскаго залива на протяженіи слишкомъ 120 верстъ и далѣе пойдетъ черезъ Казанджикъ и Узунъ-Су до Кизиль-Арвата, т. е. по направленію нашей военной дороги, на протяженіи около 220 верстъ.

Мнѣ приходилось иногда ѣздить по этой дорогѣ еще во время постройки перваго ея участка. Ничего, хорошо. Медленно, пока, ходитъ поѣздъ и съ небольшимъ количествомъ вагоновъ; но это

не важно, такъ-какъ нѣтъ надобности ни въ скорости, ни въ массѣ вагоновъ. Персіяне-работчіе (или, какъ ихъ называютъ здѣсь, *персюки*), преспокойно спрыгиваютъ съ платформъ во время движенія поѣзда; здѣсь это очень удобно, и единственная опасность—это вывалиться въ песокъ, а ужь, какъ говорятъ кристы, „членовредительства“ никакого не можетъ быть, — мягко очень. Конечно, подобныя салто-мортале не поощряются начальствомъ, но такъ-какъ они очевидно-безопасны, то и строгихъ мѣръ противъ нихъ не принимается.

Курьезный народъ эти персюки. Они, собственно говоря, лѣнтяи и, какъ работники, довольно-таки плохи, но зато нѣтъ ничего легче, какъ возбудить ихъ дѣятельность: стоитъ только кому-нибудь начать: „Алла-Магомѣ-Алли!“ (это обычное воззваніе ихъ къ пророку о помощи, когда нужно поналечь на работу) — и сейчасъ они принимаются за работу съ величайшимъ напряженіемъ, повторяя эти слова всей гурьбой. Въ особенности-же они любятъ, когда ихъ такимъ образомъ „поощряетъ“ кто-нибудь изъ начальства.

Конечно, этотъ видъ поощренія очень скученъ для поощряемыхъ и неособенно выгоденъ для поощряемыхъ, но, во всякомъ случаѣ, онъ очень оригиналенъ и стоитъ несравненно выше всякихъ „поощреній“, въ видѣ нагайки или чего-нибудь подобнаго.

Нужно, впрочемъ, сказать, что здѣсь вообще съ персюками обращаются весьма человѣчно, и я только разъ видѣлъ, какъ одинъ изъ офицеровъ желѣзнодорожнаго баталіона прибѣгнулъ къ такъ-называемому „вѣрному средству“. Случай этотъ очень характеренъ: шелъ поѣздъ, назначенный для сбора оставленныхъ близъ дороги шпалъ, поэтому приходилось постоянно останавливаться и подбирать шпалы, для чего на поѣздъ находилось десятка 3—4 персюковъ съ ихъ „старшимъ“. Во время одной изъ такихъ остановокъ, какой-то персюкъ, чтобы удобнѣе вытащить увязнувшую въ песокъ шпалу, заложилъ подъ нея лопату и... сломалъ, — сломалъ *казенную* лопату!

— Дай ему затрещину! закричалъ находившійся на паровозѣ поручикъ Ос—въ, обращаясь къ другому персюку и указывая на виновнаго.

Тотъ, очевидно, не понялъ, чего отъ него хотять и прошелъ мимо.

Въ это время показался старшій.

— Дай вотъ этому *вербмоду* затрещину, повторишь поручикъ.

Старшій не замедлилъ исполнить приказаніе.

— Еще разъ дай!

Тотъ повторилъ.

— Еще разъ!

И еще разъ далъ.

— Ну, довольно, рѣшилъ поручикъ, повидимому, удовлетворенный и довольный тѣмъ, что „постоялъ за казну“.

— Знаете, поручикъ, обратился я къ офицеру, — вы даете очень щекотливыя порученія.

— Да что-же—вѣдь не стоитъ изъ-за этого слѣзать съ локомотива, объяснилъ очень наивно поручикъ.

Я, признаюсь, совсѣмъ не ожидалъ такого объясненія.

Но еще большимъ для меня сюрпризомъ было, когда я увидѣлъ, что персюки, и даже самъ потерпѣвшій, громко смѣялись и шутили по поводу происшедшаго.

Вообще персюки довольны своимъ положеніемъ; и больше всего они довольны по той причинѣ, что ихъ работа здѣсь все такъ не можетъ считаться трудною, по крайней мѣрѣ, они сами не считаютъ ее такою. Но это видно еще и изъ того, что они занимаются физическими упражненіями, совершенно не входящими въ кругъ ихъ обязанностей: здѣсь имѣется нѣкій капитанъ сербской службы, Аворовъ (котораго, впрочемъ, никто не признаетъ офицеромъ), завѣдующій персюками, находящимися при постройкѣ пристани. Такъ вотъ этотъ непризнанный воинъ, для большаго убѣжденія въ своихъ военныхъ познаніяхъ, вздумалъ обучать персюковъ строевой службѣ, предложилъ имъ это — и тѣ съ восторгомъ принялись за обученіе. Поэтому, по вечерамъ, желающіе могли вполне налюбоваться картиной, которую нужно самому видѣть, чтобы оцѣнить по достоинству.

Въ несравненно худшемъ положеніи, въ часы развлеченій, находятся русскіе рабочіе, — тѣхъ нельзя было заинтересовать воинскими артикулами, да притомъ среди офицеровъ и не находилось другого, подобнаго Аворову, чудака, — оставались пѣсни, да „вино зеленое“ (персюки не пьютъ вина). Правда, русскій человекъ любитъ пѣсни, но ему необходима при этомъ, для большаго воодушевленія, — чарочка, другая винца; а

на счетъ этого плохо было: продажа вина была строго запрещена,—и если иногда вино и появлялось въ видѣ контрабанды, то въ весьма небольшомъ количествѣ и притомъ предлагалось по недоступной почти цѣнѣ. Что-же дѣлать? Какъ убить время? Показались карты, но противъ игры рабочихъ въ карты были употреблены самыя энергическія мѣры. Оставалось спать, спать и спать,—это занятіе, конечно, по натурѣ русскому человѣку,—и, дѣйствительно, въ этомъ отношеніи онъ едва-ли уступить какой-либо націи. Я припоминаю изъ моей поѣздки по Каспійскому морю такой эпизодъ: на палубѣ парохода „Цесаревич“, почти у самаго входа въ каюты 1-го класса—растянулись два здоровенныхъ парня (какъ послѣ оказалось, рязанцы). Спать они полдня, приподнялись, закусили, опять спать до вечера; ночью, вѣроятно, тоже спали, на другой день опять спать,—а между тѣмъ на палубѣ множество народа, (преимущественно персіянь и армявъ)—шумъ, говоръ, бѣготня;—наши богатыри заинтересовали публику, такъ-что, когда на другой день къ вечеру они поднялись и, повидимому, вознамѣрились немого пободрствовать, какой-то купецъ-армянинъ спросилъ ихъ, какъ они могутъ такъ долго спать?

— Мы расейскіе—мы спать люты, отвѣчалъ на это одинъ изъ достойныхъ потомковъ Коловрата.

Мнѣ очень понравилось это „люты“.

Но дѣло въ томъ, что не всѣ россияне въ одинаковой степени „спать люты“,—поэтому рабочіе Закаспійской желѣзной дороги, число которыхъ теперь доходитъ до 1,500 человѣкъ, заслуживаютъ того, чтобы на нихъ обратили вниманіе въ этомъ отношеніи.

Говорятъ, будто генераль Анненковъ проектируетъ устройство народныхъ чтеній, съ туманными картинами, на подобіе чтеній нашего Солянаго Городка, что было-бы весьма и весьма почтеннымъ дѣломъ.

Что касается отношеній между русскими рабочими и персѣями, то въ нихъ незамѣтно ничего сколько-нибудь враждебнаго; впрочемъ, это и понятно: персѣи такой добродушный народъ, что трудно даже чувствовать къ нимъ какую-нибудь вражду; виѣсть съ тѣмъ это попреимуществу народъ, если можно такъ выразиться, бѣдный до санкюлотства (въ буквальной смыслѣ) и смиренный до робости.

Иногда даже, ужь Богъ знаетъ въ силу чего, русскіе сближаются съ персюками, и этотъ фактъ представляетъ весьма много оригинальнаго. Не говоря уже о томъ, что персюкъ и русскій совершенно неподходящіе другъ къ другу люди, — они еще и не понимаютъ другъ друга или понимаютъ „пятое черезъ десятое“; тѣмъ не менѣе, между ними иногда устанавливаются дружественныя отношенія и ведутся длиннѣйшіе разговоры.

Мнѣ пришлось нечаянно наблюдать со стороны подобную сцену, и странно, при этомъ, что русскій, обыкновенно, въ разговорѣ съ персюками, считаетъ своимъ долгомъ коверкать родной языкъ (вѣроятно въ видахъ большей его удобопонятности).

— Твой якши (хорошій) человека, говорилъ русскій мастеровой (подъ нѣкоторымъ вліяніемъ паровъ контрабандной водки) — и мой якши человека, — значить... (дальше слѣдуютъ нецензурныя слова) ты долженъ меня почитать (?). Вотъ только твой дуракъ — водка не любитъ, — а, вѣдь, врешь: и водка якши. Это въ законѣ нашемъ напрасно... ну да што говорить... твой знаетъ, что „нашъ боровъ вашего Магомета... (нецензурное слово) двадцать четыре лѣта“, — не знаетъ? То-то! А все ты мнѣ кунакъ, давай поцѣлуемся!“

И цѣлуются самымъ искреннимъ образомъ.

Персюкъ, конечно, изъ всего сказаннаго ему русскимъ понялъ только: якши, водка, человекъ, кунакъ, — но онъ внимательно слушаетъ и добродушно улыбается. Онъ видитъ, что его собесѣдникъ относится къ нему „сочувственно“, и этого для него совершенно довольно; обыкновенно въ такихъ разговорахъ активное участіе принимаетъ словоохотливый русскій, а персюкъ отвѣчаетъ или тѣлодвиженіями, или, самое большее, отрывочными словами.

— Тревога, тревога! закричалъ какъ-то вечеромъ, вбѣгая въ кибитку, мой сожитель, поручикъ 7-го сапернаго баталіона, Квашевскій.

На человекѣ невоеннаго такія слова какъ-то особенно дѣйствуютъ. Я внобѣжалъ изъ кибитки, — мнѣ ужь казалось, что текинцы врुбились въ лагерь. Дѣйствительно, вдали раздавалась дробь барабана, вездѣ замѣтна была суета, пробѣжала мимо рота

железнодорожного баталіона, гдѣ-то вдали слышался конскій топотъ...

Всѣ спрашивали другъ у друга: гдѣ, что, много-ли? Но никто не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта, да и притомъ и не до разговоровъ было, — всѣ спѣшили вооружиться. Я, грѣшный, тоже захватилъ съ собой револьверъ Лефосе (которымъ, кстати сказать, курицу убить и то впору), чуть-ли не пѣлую сотню патроновъ, прицѣпилъ пашку — и думаю: „дорого-же я продамъ свою жизнь“.

Мало-по-малу выяснилось, что войска направились къ сѣверному пикету, гдѣ раздался передъ тѣмъ выстрѣлъ, который и послужилъ сигналомъ къ тревогѣ.

Нѣсколько минутъ мы пробыли въ неизвѣстности.

Но вотъ слышалась вдали солдатская пѣсня...

— А, значить все это пустяки, ложная тревога! заговорили всѣ, и сейчасъ-же каждый началъ увѣрять, что онъ и раньше предполагалъ, что это ложная тревога, а между тѣмъ, на самомъ-то дѣлѣ, раньше всѣ были увѣрены, что тревога имѣетъ основаніе. И дѣйствительно, она была вѣроятна, потому-что всего нѣсколько дней тому назадъ, подъ Красноводскомъ, согласно телеграммѣ, полученной оттуда, было отбито текинцами у мирныхъ турменъ нѣсколько сотъ барановъ; кромѣ того, начальникъ охотничьей команды эсауль Церенжаловъ не задолго передъ тѣмъ доносилъ рапортомъ изъ Ташъ-Арватъ *), что близъ одного изъ окрестныхъ колодцевъ открыта недавняя стоянка конной партіи и „замѣченъ конскій калъ, который направился на западъ“.

Но тѣмъ не менѣе эти основанія оказались шаткими, такъ-какъ „движеніе кала на западъ“ еще не значило, что текинцы теперь именно шныряютъ въ этой мѣстности, а отбитіе барановъ тоже оказалось весьма подозрительнымъ. Дѣйствительно, бараны были отбиты, но только едва-ли текинцами, — вѣрнѣе всего, что самими-же мирными турменами и у самихъ себя.

На первыхъ порахъ это можетъ показаться страннымъ, но въ дѣйствительности подобный фактъ весьма возможенъ и вѣроятенъ. Дѣло въ томъ, что прежде, когда бараны на самомъ дѣлѣ уго-

*) Садъ и колодцы, въ большихъ Балханахъ, а также укрѣпленіе и казармы, построенныя еще генераломъ Столѣтовымъ.

Примѣч. автора.

нялись текинцами, потерпѣвшимъ мирнымъ туркменамъ выдавались пособія изъ суммъ управленія Закаспійскаго военнаго отдѣла, — вотъ хитрые азіаты и вздумали на этомъ построить аферу, — только на этотъ разъ не имѣли успѣха.

Итакъ, тревога оказалась ложною; но она все-таки произвела нѣкоторое возбужденіе: въ этотъ день дольше обыкновеннаго не умолкалъ шумъ въ лагерѣ, дольше раздавались солдатскія пѣсни...

Бстати о пѣсняхъ. Когда войска возвращались, съ пѣснями, отъ мѣста мнимаго появленія текинцевъ, — слышу я, вдругъ, что-то знакомое, родное... Прислушиваюсь — такъ и есть: малороссійская пѣсня изъ Дорошенка и Сагайдачнаго; еще ближе — разбираю слова:

По переду Дорошенко, (bis)
 Веде свое військо
 Славне Чорноморське (Запорожоське)
 Хорошенько,
 Гей, хорошенько.

Проѣхали на коняхъ пѣвцы. Голоса сильныя, звучныя, акцентъ чисто-малороссійскій. Что за оказія? спрашиваю. Говорятъ Кубанскіе казаки, сегодня только прибывшіе въ Михайловскій заливъ.

„А, вотъ оно что, — это, значитъ, славные потомки славныхъ запорожцевъ“. Завтра, думаю, непременно пойду къ нимъ, а пока возвратимся къ прерванному тревогой чаепитію.

Нужно сказать, что мы, т. е. я и мой сожитель, живемъ, по здѣшнему, можно сказать, роскошно: у насъ имѣется самоваръ, столъ и есть даже два вѣнскихъ стула! Впрочемъ, это все плоды заботъ моего сожителя, поручика Квапишевскаго, который на этотъ счетъ замѣчательный *дока*. Чего только онъ не раздобудетъ, — даже умудрился гдѣ-то голубей достать и пустилъ ихъ въ лагерь „для оживленія“. Не даромъ-же его называли не иначе, какъ „барантачемъ“ (собственно *грабитель* по-туркменски). Но онъ, конечно, не былъ грабителемъ въ настоящемъ значеніи этого слова, — онъ былъ, такъ-сказать, *собирателемъ*, — ему все нужно было: и гвоздь, и кусокъ кожи, и клочекъ войлока...

— Значитъ вы, Александръ Ивановичъ, собираете все это? говорятъ, бывало ему.

— Пригодится здѣсь, — сами-же придете просить, отвѣчаетъ онъ всегда.

И дѣйствительно, если кому-нибудь что-нибудь нужно было, — сейчасъ къ Александру Ивановичу.

Впрочемъ, это не существенная его черта; самое симпатичное въ немъ было — его обращеніе съ солдатами-мастеровыми (онъ завѣдывалъ дорожными паровозами и бывшими при нихъ мастерскими). Чуть-ли не у каждаго солдата другихъ частей было завѣтной мечтой „попасть къ поручику“, который какимъ-то совершенно непонятнымъ образомъ умѣлъ прекрасно устроить „своихъ солдатиковъ“; выхлопоталъ имъ, какимъ-то путемъ, жалованье несравненно высшее обычнаго солдатскаго жалованья, кромѣ того, вездѣ, гдѣ только представлялась возможность, барантовалъ для нихъ: то полушубки раздобудетъ раньше всѣхъ и самые лучшіе, то фуфайки выпроситъ въ складѣ Краснаго Креста, то носки теплые и т. д. и т. д.

На другой день, вечеромъ, былъ у казаковъ и вволю наслушался пѣнія. Одно неприятно, что они поютъ и великорусскія, солдатскія пѣсни. Ужасно скверно, жанръ совсѣмъ не подходящій для нихъ. Но ничего не подѣлаешь, — это необходимая уступка начальству.

Дѣло въ томъ, что въ послѣднее время въ кубанскомъ войскѣ завелось очень много офицеровъ не природныхъ кубанцевъ (которые знаютъ пѣню роднымъ пѣснямъ), а прикомандированныхъ отъ разныхъ частей войскъ, не исключая и гвардіи, которые страшно „украинофобствуютъ“. Такъ, напр., въ той сотнѣ, которая стояла въ Михайловскомъ заливѣ, офицеръ говорилъ, что не признастъ иныхъ воинскихъ пѣсенъ, какъ чисто-салдафонскихъ, — вродѣ:

Стелеть солдатъ епанчу...

Ну, что вы подѣлаете съ такими господами!?

Впрочемъ, кажется, въ послѣднее время кубанское войско рѣшило больше не принимать къ себѣ „прикомандированныхъ“. Это было-бы очень желательно, конечно, не ради однихъ пѣсенъ.

Въ половинѣ октября мы двинулись въ Мулла-Бары, т. е. верстъ на 20 съ лишнимъ дальше, вглубь степи, къ концу укладки желѣзной дороги и, что называется, „прожвѣяли кукушку на ястреба“. Жизнь на берегу Михайловскаго залива все еще была сносна: близость моря въ значительной степени умѣряла зной здѣшняго климата, — въ новомъ-же мѣстѣ нашего жительства прихо-

дится круто: чуть не каждый день, между 1 и 2 часами, температура доходить до 45—49° (по Реомюру), а ночью градусовъ до 5 мороза, — такъ-что разница между температурой дня и ночи иногда составляла слишкомъ 50°. Кроме того, въ Михайловскомъ заливѣ прекрасное купанье, если не считать недостаткомъ его то, что послѣ купанья голова дѣлается совершенно бѣлою (отъ соли) и волосы слипаются такъ, что трудно ихъ и расчесать; да еще если невзначай пробьется хоть нѣсколько капель воды въ ротъ, — такъ покажется ужь очень „солоно“ въ буквальномъ смыслѣ слова. Дѣйствительно, вода здѣсь такъ сильно насыщена солью и вслѣдствіе этого такъ плотна, что плавать въ ней почти не составляетъ труда. (Туркмены увѣряютъ, что купанья въ Михайловскомъ заливѣ очень полезны для здоровья).

Но что самое скверное въ Мулла-Кары — это песчаные штормы: мы расположились посреди сыпучихъ песковъ, и, въ случаѣ вѣтра, просто нѣтъ возможности защищаться отъ песка; въ какихъ-нибудь 5—10 минутъ вся внутренность кибитки покрывается толстымъ слоемъ пыли, которая лѣзетъ въ глаза, въ уши, въ ротъ, въ носъ, однимъ словомъ — всюду; вѣсть въ такіе дни почти невозможно, потому-что, какъ вы ни оберегайте купанье, въ него все-таки набьется столько пыли, что трескъ отъ нея въ зубахъ раздается на всю кибитку.

Слава Богу еще, что уже прошла пора тарантуловъ, скорпионовъ, фалангъ и т. п. „прелестей“, — они, положимъ, часто появлялись, но укушеніе ихъ въ это время года, хотя и ядовито, но смертью не оканчивается.

Конечно, человекъ такое животное, которое скоро ко всему привыкаетъ, даже и къ скверному. Мало-по-малу и мы всё стали равнодушнѣе относиться къ продѣлкамъ азіатскихъ зефировъ, — „дуете, молъ, ну, и чортъ съ вами, дуйте!“ Все пошло обычнымъ чередомъ. Кубанцы по-прежнему аккуратно каждый вечеръ послѣ зари собираются въ кружокъ и поютъ свои чудныя пѣсни, — а съ другой стороны лагеря или, вѣрнѣе, за лагерь слышатся оригинальные и, вмѣстѣ съ тѣмъ, однообразные звуки лезгинки, сопровождаемые хлопаньемъ въ ладоши. Сюда пріѣхалъ конвой генерала Скобелева, человекъ 20 осетинъ, которые, въ ожиданіи „дальнѣйшихъ приказаній“, живутъ себѣ здѣсь, что называется, припѣваючи.

Какъ-то мы собрались къ нимъ, посмотрѣть лезгинку. Оказалось, что въ это самое время къ осетинамъ пришли въ гости казачи-вубанцы. Это было очень интересное зрѣлище: хозяева не знали языка гостей, а гости—языка хозяевъ; тѣмъ не менѣе, они говорили и, кажется, понимали другъ друга.

Насъ приняли съ почетомъ,—сейчасъ-же были разостланы бурки (осетины жили не въ кибиткахъ, а подъ открытымъ небомъ), появилось неизбѣжное матрасиное вино, съ сильнѣйшимъ запахомъ бурдюка, а затѣмъ начальникъ конвоя, прапорщикъ Колюевъ, устроилъ лезгинку. Я впервые видѣлъ ее въ исполненіи природныхъ кавказцевъ,—дѣйствительно, они танцуютъ восхитительно; хотя этотъ танецъ, собственно говоря, незамысловатый,—вся суть въ немъ заключается въ простомъ хожденіи и въ томъ, чтобы это хожденіе сопровождалось граціозными тѣлодвиженіями,—но осетины не только совершенно достигли этой, такъ-сказать, основной задачи танца, но они сумѣли его еще въ значительной степени осложнить: сперва пошли въ дѣло кинжалы, между остріями которыхъ искусно лавировали ноги танцоровъ; затѣмъ, съ быстротою кошекъ, половина танцующихъ вскочила на плечи другой половинѣ, и танцы продолжались этими оригинальными парами, если ихъ можно такъ назвать; наконецъ, перешли къ танцамъ другихъ національностей Кавказа, такъ, напримѣръ, къ тушипскому и др.

Все это сопровождалось... музыкой, съ прихлопываніемъ въ ладоши,—но музыка эта была убійственна: за отсутствіемъ инструментовъ (была лишь какая-то дудочка, но ее совсѣмъ не было и слышно), осетины *пѣли* лезгинку;—но это ничто въ сравненіи съ *спеціальнымъ* пѣніемъ; это уже дѣйствительно для мало-мальски развитаго и даже, скажу болѣе, для некавказскаго уха, было положительно невыносимо; но мы испили чашу до дна.

Затѣмъ на сцену выступили вубанцы съ своимъ трепакомъ, а потомъ и съ пѣснями.

Но когда опять очередь пришла осетинамъ „плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ“, то мы, полюбовавшись танцами и видя, что дѣло подходитъ къ пѣнію, успѣшили обратиться по добру, по здорovu.

Намъ подвели осѣдланныхъ коней, и хотя мы увѣряли, что это совершенно излишне, такъ-какъ намъ, до нашихъ кибитокъ,

всего-то пройти какихъ-нибудь 50 сажень, но хозяева настаивали, чтобы мы ѣхали, на томъ основаніи, что обычай-де этого требуетъ.

На другой день была назначена джигитовка; тутъ ужъ у осетинъ не было соперниковъ: много, много кредитныхъ бумажекъ было поднято на всемъ скаку съ земли удалыми джигитами.

Но эти зрѣлища, все-же, въ общемъ, далеко не улаждаютъ жизнь: скука страшная, хуже чѣмъ въ Михайловскомъ заливѣ, — тамъ какъ-то оживленнѣе: почти каждый день пароходы приходятъ, туркмены приѣзжаютъ на лодкахъ съ арбузами и дынями (съ острововъ Челекени и Огурчинскаго), — все-же развлеченіе; а тутъ просто хоть умирай, — песокъ, песокъ и песокъ; полнѣйшее отсутствіе жизни; развѣ ящерица пробѣжитъ по песку, да и та, при видѣ человѣка, сейчасъ-же нырнетъ, точно въ воду, въ песокъ и зароется такъ, что и не отыскать ее.

Собрались мы какъ-то цѣлой компаніей на экскурсію и рѣшили проѣхать вдоль Узбоя *). Сравнительно ничего, все-таки, хоть незначительная жизнь видна: кое-гдѣ встрѣчается зеленое деревцо, громадный камышъ, даже двухъ зайцевъ вспугнули и, о, удивленіе! цѣлую стаю грачей видѣли, — вѣроятно, перелетаютъ „съ милаго сѣвера въ стороны южна“. Говорятъ, что здѣсь и тигры встрѣчаются, но намъ на этотъ счетъ не повезло.

Вскорѣ, впрочемъ, мнѣ удалось совершить экскурсію болѣе интересную, а именно: на островъ *Челекень*, населенный мирными туркменами.

Я часто видѣлъ мирныхъ туркменъ, приѣзжавшихъ въ Михайловскій заливъ, то въ качествѣ перевозчиковъ желѣзнодорожныхъ грузовъ, то въ качествѣ продавцовъ арбузовъ и дынь; но мнѣ хотѣлось посмотрѣть на ихъ домашній бытъ, а главное — провѣрить тѣ слухи, которые ходили о будто-бы замѣчательно-оригинальныхъ поземельныхъ отношеніяхъ. Впослѣдствіи, я нѣсколько разочаровался, но все-таки не жалѣю объ этой поѣздкѣ.

Было рѣшено, что я отправлюсь на пароходѣ до новой пристани у сосѣднаго съ Челекенью острова *Рау* **), гдѣ въ мое распоряженіе будетъ предоставленъ паровой баркасъ.

*) Такъ называется прежній сѣверный рукавъ Оксуса (Аму-Дарья), впадающій въ нынѣшній Балханскій заливъ.

Примѣч. автора.

**) Сначала всѣ грузовыя суда, направлявшіяся въ Михайловскій заливъ, за-

Пароходы выходятъ изъ Михайловскаго залива всегда на разсвѣтъ, съ тою цѣлью, чтобы, во-первыхъ, не стать гдѣ-нибудь на мели, а во-вторыхъ, засвѣтло добраться до Красноводска. Поэтому, я съ вечера забрался на пароходъ (въ этотъ день шель „Араксъ“), улегся спать и не слыхалъ, когда пароходъ двинулся въ путь. Но вскорѣ я былъ разбуженъ страшнымъ трескомъ. Слышу,—бывшій со мною переводчикъ успокоиваетъ вѣхавшую въ Красноводскъ барыню: „ны безпакойтѣсь, ны безпакойтѣсь—это мы на мелъ садились!“

Конечно, на мелъ сѣсть еще не богъ-вѣсть какъ страшно, но откуда-же трескъ?

Что-же оказывается! Нашъ пароходъ велъ на буксирѣ пустую баржу; но когда самъ онъ сразу врѣзался въ песокъ и сталъ на мели, то шедшая сзади баржа, конечно, продолжала, въ силу инерціи, двигаться впередъ и налетѣла на пароходъ, причемъ пробила въ борту дыру аршина въ $1\frac{1}{2}$ въ діаметрѣ. Это, впрочемъ, тамъ считается „обыкновенной исторіей“, но нужно замѣтить, что „Араксъ“ до этого случая былъ единственнымъ пароходомъ, которому такимъ путемъ не были „посчитаны ребра“.

Я думалъ, что капитанъ парохода будетъ сконфуженъ такимъ пассажемъ, но онъ, какъ говорится, и въ усъ себѣ не дулъ; онъ очень удачно свелъ дѣло на почву сравненій.

— Нѣтъ, это что? Вонъ на прошлой недѣлѣ „Карамзину“ (другой пароходъ) 50-ти-саженная (баржа), да еще съ грузомъ, въѣхала въ фальшь-бортъ,—вотъ это такъ! пояснилъ капитанъ, и, какъ-бы сознавая, что мы—не моряки—не можемъ оцѣнить того впечатлѣнія, которое способенъ произвести „въѣздъ“ 50-ти-саженной баржи,—обратился къ своему помощнику:

— Какъ вы, Петръ Антоновичъ, полагаете, если 50-ти-саженная въѣдетъ, а? Затрещитъ, не-бось, а?

Помощникъ поддержалъ капитана.

Намъ пришлось просидѣть на мели часовъ шесть; капитанъ перепробовалъ всѣ средства, чтобъ снять пароходъ, но всѣ уси-

ходили предварительно въ Красноводскъ; тамъ они перегружались на суда съ меньшимъ осадкомъ, что обуславливалось мелководьемъ Михайловскаго залива, въ которомъ есть мѣста глубиною около 4—5 футовъ. Впослѣдствіи перегрузку начали производить у острова Рау, причемъ значительно сокращалась длина рейсовъ, потому-что Красноводскъ стоятъ въ сторонѣ отъ прямыхъ рейсовъ какъ со стороны Баку, такъ и со стороны Астрахани.

Прим. автора.

лія были тщетны; оставалось только выпустить воду изъ котла, и если-бъ это крайнее средство не привело къ желанному результату, то намъ оставалось-бы ожидать до вечера другого парохода (изъ Красноводска), который-бы снялъ насъ. Приступили къ послѣднему средству; но только-что начали выпускать воду, какъ замѣтили, что пароходъ качается на волнахъ, а не стоитъ, какъ прежде, неподвижно, увязнувъ въ песокъ. Оказалось, что, благодаря вѣтру съ моря, вода поднялась и вмѣстѣ съ тѣмъ подняла пароходъ.

Затѣмъ, до острова Рау доѣхали благополучно; тамъ я перешелъ на пристань, т. е. на большую баржу, стоящую среди моря на якоряхъ, переночевалъ, а къ 5-ти часамъ утра подлѣ баржи пыхтѣлъ уже маленькій паровой баркасикъ, на которомъ я, съ переводчикомъ и двумя матросами, немедленно отправился на островъ Челекенъ, находящійся отсюда верстахъ въ 6-ти или 7-ми.

Островъ Челекенъ расположенъ близъ восточнаго берега Каспійскаго моря (39° С. Ш. и 71° В. Д.) и нѣсколько южнѣ полуострова Дарджи. Онъ почти примыкаетъ къ азіатскому материку: отдѣляющая его полоса воды настолько незначительна, какъ по своей ширинѣ, такъ и глубинѣ, что мѣстные турмены переходятъ ее вбродъ. Если у него отнять Сѣверную Косу, тянущуюся верста на 8 и южный полуостровъ Дарвишъ, то онъ представитъ собою довольно правильный, овальной формы клочекъ земли верста въ 20 ширины и около 25 длины. Но грустный видъ представляетъ собою этотъ полуостровъ, являющійся почти повтореніемъ того, о чемъ я уже говорилъ раньше: тотъ-же песокъ, тотъ-же высохшій саксаулъ и, наконецъ, имѣющая особый видъ, но также совершенно безплодная, нефтяная почва — вотъ внѣшній видъ острова. Жителей на немъ считается около 2,000; расположены они въ трехъ аулахъ и живутъ, главнымъ образомъ, торговлею (прежде занимались и продажей нефти); въ послѣднее время они, впрочемъ, довольно много зарабатываютъ перевозкою для закаспійской желѣзной дороги различныхъ грузовъ на своихъ *косо-сыхъ* (большія лодки), а также продажей арбузовъ и дынь — единственныхъ воздѣлываемыхъ ими продуктовъ.

Я подѣхалъ прямо къ сѣверному аулу. Берегъ былъ усѣянъ народомъ, издали завидѣвшимъ паровой баркасъ и поспѣвшимъ посмотреть, какого имъ Богъ даетъ гостя.

Къ самому берегу, благодаря мели, оказалось невозможнымъ подѣхать, поэтому нѣсколько туркменъ, снявъ штаны, приблизились къ баркасу и предложили перенести меня и переводчика на берегъ.

Я думалъ было уклониться отъ такой любезности, но, затѣмъ, увидавъ, что въ этомъ случаѣ остается одинъ исходъ — послѣдовать примѣру туркменъ, т. е. самому снять штаны (что въ присутствіи такой многочисленной публики, притомъ „дамъ“, мнѣ казалось не совсѣмъ удобнымъ), — взобрался на спину здороваго туркмена и черезъ нѣсколько секундъ былъ на берегу.

Я рѣшилъ прямо ѣхать „на заводъ“, т. е. на мѣсто, гдѣ въ настоящее время компанія (съ г. Палашковскимъ во главѣ) разрабатываетъ *нефтитиль* (изъ котораго добывается фотогенъ и фотонафтиль), и просилъ переводчика позаботиться относительно лошадей. Но это было напрасно: намъ уже вели двухъ осѣдланныхъ ишаковъ (ословъ).

Я положительно не хотѣлъ „съ ослими имѣть дѣло“ и рѣшилъ было идти пѣшкомъ; рѣшеніе свое я основывалъ, главнымъ образомъ, на томъ, что оселъ не въ силахъ и поднять меня, — и, дѣйствительно, тамъ замѣчательно мелкая порода; но здоровенный туркменъ, раза въ полтора потяжелѣе лося, вскочилъ на осла и проѣхалъ на немъ рысью. Наконецъ, мы пришли къ тому заключенію, что пойдемъ пѣшкомъ, а ослы отправятся за нами, на случай, если мы устанемъ, и, кромѣ того, повезутъ нѣкоторыя бывшія съ нами вещи...

Съ нами отправился проводникъ и еще нѣсколько туркменъ — такъ себѣ „для компаніи“.

Прежде всего, по выходѣ изъ аула, намъ представились, *бакчи*; меня поразило, что они были, въ большинствѣ случаевъ, необыкновенно малыхъ размѣровъ (отъ 10—15 кв. сажень), были расположены всѣ въ одно мѣстѣ и, несмотря на это, каждая была отгорожена отъ сосѣдней. Я предложилъ вопросъ, отчего бы имъ не сдѣлать общую изгородь, что сократило-бы, по меньшей мѣрѣ, въ десять разъ количество необходимаго матеріала (который здѣсь очень трудно добыть) и вмѣстѣ съ тѣмъ количество труда, — такъ-какъ, имѣя своей главной цѣлью защиту бакчей отъ песчаныхъ заносовъ, изгороди устраиваются весьма тщательно.

Туремены согласились, что такъ лучше-бы было.

Но, когда затѣмъ я высказалъ мысль объ удобствѣ общинной обработки, то туремены начали улыбаться и сомнительно покачивать головами.

„Они говорятъ: *передеремся всѣ*“, пояснилъ мнѣ переводчикъ.

Странная вещь: текинцы—тѣ-же туремены—въ значительной мѣрѣ прилагаютъ общинный трудъ (о чемъ будетъ сказано дальше), а челекенцы недовѣрчиво относятся къ общинному началу.

Но видно ужъ судьба надъ ними подшутила, потому-что, несмотря на недовѣріе къ этому началу, они, поневолѣ, сдѣлались въ известной степени общинниками; но тутъ виною, собственно говоря, просто несообразительность. Нужно знать, что весь Челекень считается общимъ владѣніемъ населяющихъ его туремень, но, конечно, тутъ еще очень мало поводовъ называть ихъ общинниками, такъ-какъ владѣніе собственно землей не играетъ въ ихъ жизни почти никакой роли. Весь куръезъ заключается въ томъ, что, благодаря именно попыткѣ сдѣлаться частными собственниками, туремены сдѣлались общинниками въ значительно большей степени. Они постановили, что всякій туземецъ, вырвавшій нефтяной колодець, вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаетъ отдѣльное право на землю на разстояніи 50 сажень отъ колодца, — значить, все это пространство дѣлалось частной собственностью.

Но въ виду того, что открытіе колодца (въ особенности обильнаго нефтью) въ известномъ мѣстѣ давало поводъ предполагать, что мѣстность эта вообще богата нефтью, — другіе туремены тоже начинали рыть колодцы здѣсь-же, но, конечно, блюдя „законъ“, — за предѣлами пятидесяти-саженнаго разстоянія отъ перваго колодца. Одного только они несообразили: что для того, чтобы *сполнн* воспользоваться правомъ частнаго владѣнія землею на 50-сажень вокругъ вновь вырываемаго колодца, — необходимо, чтобы онъ находился по меньшей мѣрѣ на сто сажень отъ первоначальнаго, потому-что, выражаясь математически, окружныя не пересекутся лишь въ томъ случаѣ, если разстояніе между ихъ центрами будетъ равно суммѣ ихъ радіусовъ или больше ея. Но туремены открывали свои колодцы тутъ-же, гдѣ-нибудь по близости.

Что-же изъ этого выходило?

Открывалъ туремень колодець положимъ въ 75-ти саженьяхъ отъ другаго колодца; когда онъ затѣмъ очерчивалъ радіусомъ

въ 50 сажень окружность (границу) своихъ владѣній, то эта окружность, очевидно, должна была въ двухъ мѣстахъ пересѣчь окружность сосѣдняго владѣнія, иначе говоря, захватить часть его и образовать большій или меньшій кусокъ *общаго* владѣнія; затѣмъ тутъ-же появлялся другой владѣлецъ, третій и т. д. Такимъ-то образомъ, иногда на одномъ небольшомъ нефтяномъ участкѣ являлось нѣсколько владѣльцевъ, такъ-что когда Палашковскій и К^о вздумали нанять для разработки нефтяной участокъ, то оказалось, что владѣнія *собственниковъ*, благодаря указанному обстоятельству, такъ переплетены между собою, что ихъ нельзя было выдѣлать и пришлось уже имѣть дѣло со всѣми колодезными владѣльцами въ числѣ (если не ошибаюсь) 13-ти человекъ; но объ этомъ послѣ.

Вскорѣ мы выбрались на берегъ моря и нѣсколько верстъ шли по раковинамъ (самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ), которыя покрываютъ берегъ слоемъ до 2—3 вершковъ толщиною; хотя эти раковины довольно мелки, но все-таки по нимъ не особенно удобно ходить, — ноги такъ и скользятъ, — но все-же удобнѣе, чѣмъ по песчанымъ барханамъ.

Мы двигались безъ всякихъ приключеній, — въ одномъ только мѣстѣ вниманіе мое было затронуто: возлѣ одного изъ пригорковъ, образовавшагося благодаря искусственной насыпи изъ земли и всякаго мусора, наши спутники-турмены стали на колѣни и принялись преусердно молиться, что выражалось очень энергическимъ битьемъ себя въ грудь.

Спрашиваю, черезъ переводчика, въ чемъ дѣло?

Говорятъ: святой какой-то здѣсь похороненъ.

Я сначала тоже проникся нѣкоторымъ благоговѣніемъ, — хотъ и турменскій святой, думаю, а все-же святой.

Но, потомъ, мнѣ объяснили, что у турменъ святость очень легко приобрѣтается, — стоитъ только побывать въ Меккѣ — и святой готовъ; даже при жизни онъ считается святымъ; но за то приобрѣтаемая столь легко святость, хотя, быть можетъ, и влечетъ за собой нѣкоторыя преимущества въ будущей жизни и вызываетъ благоговѣніе со стороны живыхъ, — пока святой живъ, — подчасъ не избавляетъ его отъ тѣхъ *земныхъ неприятностей*, которыя приходится испытывать обыкновеннымъ смертнымъ; такъ, напр., нѣсколько времени тому назадъ, на островѣ-же Челекени,

одинъ изъ такихъ святыхъ, за разныя „художества“ (между прочимъ стащилъ что-то) былъ весьма чувствительно побитъ своими соплеменниками...

Наконецъ, мы добрались и до завода. Прежде всего я зашелъ къ управляющему, г. Серебрякову, который очень любезно принялъ меня, рассказалъ кое-что о тамошнемъ житьѣ-бытьѣ, но я сейчасъ-же замѣтилъ, что онъ съ мѣстными жителями-туркменами не ладить.

Принявъ меня за лицо, присланное спеціально для изслѣдованія вопроса о нефтяномъ промыслѣ (хотя я таковымъ не былъ и отказывался отъ этой роли), онъ, главнымъ образомъ, излагалъ нужды и неудобства компаніи, обвиняя во всемъ туркменъ. Туркмены оказывались страшными угнетателями, хотя условіе, заключенное съ ними по найму участковъ для добыванія и разработки нефти едва-ли говорить въ пользу этого мнѣнія. Такъ, напримѣръ, по условію туркмены получаютъ самую ничтожную плату за пользованіе ихъ нефтяными участками, но зато, по истеченіи извѣстнаго срока, въ ихъ владѣніи остаются всѣ зданія, построенныя предпринимателемъ для потребностей производства. Казалось - бы, такое условіе довольно выгодно для туркменъ; но затѣмъ, далѣе, въ условіи, есть §, который гласитъ, что во владѣніи туркменъ остаются всѣ зданія, которыя находятся *въ цѣлости* по день истеченія срока контракта, — значитъ, стоитъ только за нѣсколько дней до истеченія срока контракта прекратить производство и приступить къ разборкѣ зданій, — а затѣмъ компанія не теряетъ права на нихъ и можетъ исподоволь перевезти въ другое мѣсто, такъ-какъ матеріалы, въ особенности дерево, изъ котораго тамъ и выстроены зданія, имѣютъ большую цѣнность и могутъ быть во всякое время проданы за большую цѣну въ Красноводскъ или даже тѣмъ-же туркменамъ, — но, конечно, туркмены не предвидятъ такого сюрприза. Мало того, не имѣя правъ рыть новыхъ колодезевъ, они должны покупать нефть у компаніи, между тѣмъ какъ прежде они были, въ этомъ отношеніи, въ болѣе выгодныхъ условіяхъ. Напримѣръ, при генералѣ Ломакинѣ было установлено слѣдующее правило. Туркмены, вмѣсто платы за участки, приобрѣтали право *десятаго дня*, т. е. въ извѣстный, заранее опредѣленный день могли являться къ мѣсту добыванія компаніей нефти и брать, сколько кому нужно; конечно, въ теченіи дня они успѣвали наби-

рать сколько нужно было для ихъ обихода въ послѣдующіе десять дней, и поэтому мѣстные жители не являлись покупателями нефти, — это, разумѣется, было не особенно выгодно для компаніи, но болѣе выгодно для туземцевъ. Теперь-же, по словамъ туркменъ, они не получаютъ ни нефти, ни денегъ.

Я поинтересовался взглянуть на добываніе нефтегиля, которое, нужно сказать, совершается самымъ незатѣпливымъ образомъ и безъ всякихъ приспособленій: — въ одномъ изъ естественныхъ возвышеній почвы срѣзанъ бокъ, въ которомъ и находятся толстыя жилы нефтегиля; рабочіе, слѣдуя по направленію жилы, выбираютъ нефтегиль, раскапывая лопатами почву, и такъ-какъ эти жилы расположены почти у поверхности земли, то, разумѣется, работа всегда производится снаружи, и о подземныхъ работахъ въ шахтахъ и помину нѣтъ. Тутъ-же рядомъ, въ небольшой котловинѣ, находятся горячіе сѣрные источники: представьте себѣ небольшую площадку, похожую на дно высохнувшей лужи; по ней весьма легко можно пробѣжать, — но только пробѣжать, потому-что стоять лишь остановиться на нѣсколько секундъ — и вы сейчасъ замѣтите, что ваши ноги вязнутъ все болѣе и болѣе; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой площадки замѣтно нѣчто вродѣ маленькихъ грязныхъ фонтанчиковъ, высотой въ какихъ-нибудь $1\frac{1}{2}$ дюйма; если опустить руку въ этомъ мѣстѣ, то она совершенно свободно входитъ въ почву, но затѣмъ, на глубинѣ около $\frac{1}{4}$ аршина отъ поверхности, ощущается такая теплота, что нѣтъ возможности удержать руку; эти фонтанчики постоянно выбрасываютъ разный мусоръ, древесные обломки и проч. Вообще, на островѣ очень много всевозможныхъ минеральныхъ богатствъ, но о немъ какъ-то забыли и никому не приходится въ голову изслѣдовать этотъ богатый клочекъ земли хоть сколько-нибудь обстоятельно.

На другой день, на лошадяхъ, любезно предложенныхъ г. Серебряковымъ, мы отправились верстъ за 7, въ южный ауль; тамъ уже, такимъ-то образомъ, сдѣлалось извѣстнымъ, что кто-то пріѣхалъ изъ Михайловскаго залива, и такъ-какъ на Челекени туркменъ не водится, а ѣздятъ почти исключительно чиновники, то я былъ принятъ за одного изъ нихъ. За версту до аула я былъ встрѣченъ мѣстными властями, старшинами, изъ которыхъ каждый просилъ оказать ему честь — зайти въ кибитку. Я хотѣлъ-было зайти къ самому вліятельному старшинѣ, Ана - Хану, но потомъ,

вспомнивъ маленькую неловкость, допущенную относительно его нѣсколько дней тому назадъ, во время его пріѣзда въ Мулла-Бары,—рѣшилъ, что лучше уклониться отъ этого.

Дѣло въ томъ, что, желая оказать Ана-Хану любезность, его пригласили въ Мулла-Бары, чтобы дать возможность посмотрѣть желѣзную дорогу и проѣхать по ней, однимъ словомъ—пригласили его въ гости. Конечно, Ана-Ханъ воспользовался этимъ приглашеніемъ и поѣхалъ. Прежде всего пріѣхалъ пароходомъ въ Михайловскій заливъ, откуда онъ, а также другія лица, прибывшія изъ Красноводска, отправились съ поѣздомъ въ Мулла-Бары, о чемъ туда заранѣе дано было знать телеграммой. Но на бѣду, вмѣстѣ съ Ана-Ханомъ, пріѣхали болѣе важныя лица, какъ, напримѣръ, контролеръ, отрядный интендантъ и пр., такъ - что въ суматохѣ, да еще темень была страшная,—объ Ана-Ханѣ на первыхъ порахъ и позабыли; онъ въ вагонѣ такъ и остался. Вскорѣ, конечно, хватились: гдѣ-же Ана-Ханъ? Пригласить его, угостить! Но, увы! поѣздъ ушелъ обратно въ Михайловскій заливъ и... увезъ съ собою злополучнаго Ана-Хана. Конечно, онъ едва-ли былъ особенно польщенъ такимъ пріемомъ.

Поэтому-то я зашелъ къ другому старшинѣ, кибитка котораго, кстати, была расположена при самомъ вѣздѣ въ аулъ.

Я впервые былъ въ кибиткѣ зажиточнаго туркмена. Что о ней сказать? Я увидѣлъ только одни ковры: на полу ковры, по стѣнамъ ковры, тучи какіе-то прикрыты коврами, на полкахъ подушки — опять-таки покрыты коврами, однимъ словомъ — я зашѣтилъ только маленькое пространство, у порога, которое не было покрыто ковромъ, именно, какъ послѣ оказалось, мѣсто для костра.

Меня усадили на полъ, подложивъ сбоку подушку, чтобы я могъ облокотиться, и затѣмъ жена моего хозяина принялась стряпать неизмѣнный „пловъ“.

Между тѣмъ, кибитка начала наполняться туркменами различныхъ возрастовъ, но преимущественно мужескаго пола. Они входили въ кибитку молча, сбрасывали у порога свои туфли, преспокойно усаживались на коверъ, позади меня или сбоку, или возлѣ костра, причѣмъ протягивали по очередно то одну, то другую ногу къ костру, и затѣмъ начинали упорно смотрѣть на меня, такъ-что, на первыхъ порахъ, мнѣ даже неловко было.

Прежде всего, вѣроятно, съ цѣлью показать, „что и мнѣ-де чего-нибудь стоимъ“, — мой хозяинъ показалъ свои медали съ надписью „за усердіе“, а затѣмъ перешелъ къ разнымъ драгоценностямъ, какъ, напр., серебрянымъ вещамъ, изъ которыхъ одну — браслетъ — даже снялъ тутъ-же съ руки своей жены.

Я, конечно, показывалъ видъ удивленія, — и хозяинъ былъ очень доволенъ. Затѣмъ мнѣ было предложено нѣсколько вопросовъ: о моемъ чинѣ, о томъ, кто старше (чиномъ), генералъ Скобелевъ или генералъ Анненковъ, о дѣлахъ съ текинцами и проч. Оказывалось, что челекенскіе турмены боялись нападенія текинцевъ, благодаря именно существованію брода, о которомъ я уже говорилъ; въ концѣ-же-концовъ перешли къ жалобамъ на свое положеніе, на притѣсненія пріѣзжими компаніями и т. п.

Когда я спросилъ, нѣтъ-ли у кого-нибудь продажныхъ ковровъ, то они въ нѣсколько минутъ завалили всю кибитку. Мнѣ понравилась при этомъ черта турменъ, — они совсѣмъ не запрашиваютъ: какъ сказалъ цѣну, такъ ужъ копѣйки не уступитъ. Цѣны, впрочемъ, они назначили сравнительно высокія.

„Да вѣдь, въ Красноводскѣ и то дешевле“, убѣждалъ я ихъ, когда съ меня запросили 50 рублей за *наласъ* (болѣе грубый сортъ ковровъ) длиною въ 6 арш. и шириною въ 3 аршина.

На это мнѣ турмены совершенно откровенно отвѣчали, что, правда, въ Красноводскѣ дешевле; но дѣло въ томъ, что когда они сами везутъ продавать свои издѣлія, то это значитъ, что имъ очень нужны деньги, — и тогда они дешевле продаютъ, даже ниже стоимости; когда-же къ нимъ пріѣзжаютъ покупать, то они требуютъ столько, сколько вещь дѣйствительно стоитъ, — возраженіе очень основательное, и я заплатилъ за два ковра 100 рублей.

Поблагодаривъ хозяина за пріемъ и подаривъ при этомъ (по совѣту переводчика) его маленькому сынишкѣ рубля на два мелкаго серебра, я вышелъ изъ кибитки, чтобы отправиться обратно, но уже по прямому пути, въ сѣверный аулъ, куда долженъ былъ пріѣхать за мной паровой баркасъ.

На площадкѣ была масса народу; тамъ кипѣла работа: въ нѣсколькихъ глиняныхъ, особаго устройства печкахъ, женщины пели *чурекъ* (хлѣбныя лепешки); женщины здѣсь не закрываютъ лица, и я могъ совершенно свободно разсмотрѣть большинство изъ нихъ.

Замѣчательное явленіе: въ то время какъ мужчины-туркмены по типу скорѣй подходятъ къ кавказской расѣ, женщины—настоящіа монголки: узкіе глаза, приплюснутый носъ, широкія скулы; вообще не особенно привлекательны, старухи-же просто отвратительны.

Я былъ очень пріятно изумленъ, когда увидѣлъ близъ кибитки приготовленнаго для меня прекраснаго сѣраго коня; но мой бѣднѣй переводчикъ опять долженъ былъ ѣхать на ослѣ и всю дорогу кричать: „хоръ, хоръ, хоръ!“

Пріѣхавъ въ сѣверный аулъ, мы, прежде всего освѣдомились, нельзя-ли достать куриныхъ яицъ, такъ-какъ я сильно-таки проголодался: „пловъ“, которымъ меня угощали въ южномъ аулѣ, собственно говоря, представлялъ собою вещь несъѣдобную, и я его съѣлъ лишь столько, сколько нужно было, чтобы не обидѣть хозяевъ.

— Лишь-бы деньги были, отвѣчалъ туркменъ, — а то все можно достать.

Я далъ рубль серебромъ, и онъ отправился на поиски.

Туркменъ былъ отчасти правъ: если тамъ и нельзя было всего *достать*, то зато *купить* можно было рѣшительно *все*, что тамъ было.

Нужно сказать, что южный и сѣверный аулы значительно отличаются между собою: первый изъ нихъ населенъ почти исключительно богатыми туркменами, а второй, наоборотъ, бѣдными, которые, поэтому, волей-неволей очень падки къ деньгамъ. Зашли въ кибитку. Обстановка убогая: кибитка дырявая, — такъ со всѣхъ сторонъ и дуетъ...

Скоро появился нашъ новыи хозяинъ чуть-ли не съ полсотней яицъ.

— Должно-быть, хорошаго мнѣнія онъ о нашемъ аппетитѣ, замѣтилъ я переводчику.

Тотъ, какъ человекъ опытный, объяснилъ мнѣ, что туркмены тоже попытаются покушать на нашъ счетъ. И дѣйствительно, когда яйца были сварены, вся семья, безъ церемоніи, начала намъ помогать, сначала робко, ожидая, вѣроятно, протеста, но затѣмъ такъ усердно, что намъ пришлось подумать о мѣрахъ противъ того, чтобы не остаться голодными, — и мы, съ своей стороны, тоже удвоили энергію. Затѣмъ былъ сваренъ чай, но я, впрочемъ, не могъ его пить, потому-что вода была ужасно соленая.

На Челекени нѣтъ прѣсной воды; ее, обыкновенно, привозятъ съ Огурчинскаго острова, да и то только въ южный ауль, — во-первыхъ, потому, что тамъ живетъ богатый народъ, который можетъ позволять себѣ такую роскошь, а во-вторыхъ, потому, что южный ауль относительно очень близко, и доставка туда воды не сопряжена со сколько-нибудь значительными затрудненіями.

Конечно, здѣсь, какъ и въ южномъ аулѣ, въ кибитку набралось десятка три туркменъ, которыхъ я разрѣшилъ хозяину угостить на мой счетъ чаемъ.

Съ другой стороны, мой переводчикъ заинтересовалъ ихъ умѣньемъ читать коранъ (туркмены — магометане, суниты); они даже сначала усомнились-было и тотчасъ послали за муллою; но тотъ подтвердилъ, что переводчикъ читаетъ вѣрно. Изрѣдка онъ, впрочемъ, дѣлалъ замѣчанія, и туркмены при этомъ были очень довольны, такъ у нихъ и было на лицахъ написано: „а вотъ видишь, — нашъ-то все-таки лучше знаетъ!“

Въ двери показались двѣ „нетуземныя“ фізіономіи, — присматриваюсь — матросы.

— За мной, что-ли, братцы, пріѣхали? спрашиваю.

— Такъ точно, ваше бл — діе, — только придется до завтра подождать, потому темно теперь, не проберемся среди мелей.

Нечего дѣлать, переночуемъ и здѣсь...

Наконецъ, туркмены надоѣли мнѣ, и я обратился къ хозяину, чтобы онъ какъ-нибудь деликатно намекнулъ имъ объ этомъ; но тотъ по-просту велѣлъ имъ убираться вонъ, и гости безпрекословно повиновались.

Хозяинъ тоже хотѣлъ-было удалиться и уступить кибитку въ полное наше владѣніе, но я увѣрилъ его, что онъ нисколько не жѣлаетъ намъ, и затѣмъ всѣ вмѣстѣ расположились спать: насъ двое, туркмень, жена его, двое дѣтей и племянница — молодая, мило-видная дѣвушка-туркменка, проданная ужъ куда-то подъ Красноводскъ за 400 руб., что считалось очень хорошимъ *калымомъ* (выкупъ, платимый женихомъ за невѣсту).

Ночь была холодная, дуло со всѣхъ сторонъ, дымъ отъ костра лѣзетъ въ горло, ребятинки, по временамъ, плачутъ (вѣроятно отъ холода), — а тутъ еще ночью вѣтеръ сорвалъ верхнюю часть кибитки, которая обыкновенно на день снимается, — такъ холодомъ и пахнуло. Туркмень преспокойно приказалъ женѣ попра-

вить кибитку, а самъ хоть-бы пальцемъ пошевелинулъ, — и та, несчастная, минутъ 10 возилась на холодѣ, полунагая, пока устроила все какъ слѣдуетъ.

— Отчего ты не помогъ, ночью, женѣ поправить кибитку? спросилъ я его потомъ.

Туркменъ сперва посмотрѣлъ на меня нѣсколько удивленно, потомъ улыбнулся.

— Это ихъ дѣло, отвѣчалъ онъ и указалъ рукой на женщинъ.

На утро, чуть-свѣтъ, я отправился на паровомъ баркасѣ къ пристани у острова Рау и въ тотъ-же день возвратился въ Михайловскій заливъ на пароходѣ, шедшемъ туда изъ Красноводска.

Вскорѣ получились слухи о появленіи сильной шайки текинцевъ на линіи Михайловской военной дороги, а затѣмъ — извѣстіе объ отбитіи у насъ текинцами верблюжьяго транспорта въ 1,500 штукъ, о раненыхъ и убитыхъ; все это искажалось, преувеличивалось и потому произвело страшный переполохъ. Но самый фактъ подтвердился.

Генераль Анненковъ счелъ нужнымъ поѣхать на линію и лично принять тѣ мѣры, которыя вызывались обстоятельствами.

— „Въ походъ, въ походъ!“ раздавалось со всѣхъ сторонъ; всѣ желали ѣхать, но можно было ѣхать очень немногимъ. Вопросъ о томъ, кого возьмутъ, кто пойдетъ, — волновалъ всѣхъ, не исключая и тѣхъ, у которыхъ, собственно говоря, не было никакого основанія надѣяться на поѣздки въ передовой отрядъ; но такъ ужь человекъ устроенъ, — вѣдь, кажется, дѣло совсѣмъ ясно — „не возьмутъ“, — и все-таки надѣется.

Фантазія разъигрывается до невѣроятныхъ размѣровъ.

— Эхъ, Георгія-бы получить! говоритъ молодой подпоручикъ и ужь чуть-ли не видитъ, какъ у него въ петличкѣ красуется бѣлый крестикъ. О смерти подпоручикъ едва-ли думаетъ.

У другого, постарше чиномъ и посолдидѣе, болѣе скромное желаніе: ему-бы хоть слегка отличиться, да слѣдующій штабъ-офицерскій чинъ получить; этотъ думаетъ о смерти и не желаетъ быть убитымъ, но согласенъ быть легко-раненымъ или, какъ говорятъ, „быть раненымъ въ мягкія части“, т. е. безъ поврежденія костей.

Это пресловутое „быть раненымъ въ мягкія части“, какъ я за-
мѣчалъ въслѣдствіи, подѣ Геокъ-Тепе, составляетъ, впрочемъ,
завѣтную мечту большинства офицеровъ, потому-что тутъ и „жизнь
соблудеешь“, и приобрѣтешь разныя „права и преимущества“.

Но вскорѣ, для большинства, мечты должны были разсѣяться,
потому-что сдѣлался извѣстнымъ день отъѣзда, и главное—имена
лицъ, которымъ предстояло идти на линію, къ мѣсту появленія
непріятеля, а затѣмъ въ передовой отрядъ. Въ числѣ этихъ не-
многихъ „счастливецевъ“ былъ и вашъ покорный слуга.

Н. Кончевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).